

(18+

ИНЬ И ЯН. ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ.
ИНОГДА ГРАНИЦА СТИРАЕТСЯ.

Сюэ Сэньлинь

Хризантема для госпожи

«Автор»

2026

Сэньлинь С.

Хризантема для госпожи / С. Сэньлинь — «Автор», 2026

Душа госпожи Лянь исчезла, хотя её тело всё ещё живо. Пока врачи ищут объяснение, мастер духовных искусств Су Люхуэй понимает: здесь замешано нечто, чего не должно существовать. Чтобы вернуть её, ему придётся объединиться с человеком, которого он ненавидит больше всего, — мастером тёмных искусств Ань Цзюйхуа. Но некоторые двери между миром живых и мёртвых лучше никогда не открывать.

© Сэньлинь С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	44

Сюэ Сэньлинь

Хризантема для госпожи

Глава 1

— Мастер Су!

Крик догнал его по длинному коридору, заставляя вздрогнуть и резко остановиться. Он глянул назад через плечо и увидел запыхавшегося от долгого бега мужчину средних лет, с которым еще минут десять назад разговаривал в холле.

— Прошу Вас, мастер Су! Вы моя последняя надежда! Умоляю Вас!

— Господин Лянь, — начал тот самый «мастер Су» тихим голосом, — я уже сказал Вам, что не работаю с такого рода делами. Это слишком иньская энергия.

— Я заплачу любые деньги! — не сдавался мужчина.

Молодой человек тяжело вздохнул и развернулся назад полностью.

— Не в деньгах дело, господин Лянь. Я потом и после смерти не смогу найти покой, коснись только моя рука этого всего. Мало того, Вас с супругой будет ждать то же самое.

Это была лишь треть правды. Душа самого Су уже ничего не стоила. Если ради спасения женщины пришлось бы расплачиваться собственной вечностью, он согласился бы не раздумывая. Но чужими судьбами он платить не имел права. Законы, связывавшие мир живых и мёртвых, всегда требовали равной цены. Помогли он господину и его умирающей жене, пострадала бы именно госпожа Лянь — хоть это и не было стопроцентной гарантией. Лазейку можно было отыскать всегда, и Су Люхуэй действительно был в этом мастером. Но дело было слишком опасным, — для женщины, — в этом он несколько не соврал. За свою душу он действительно был спокоен, ведь его все равно ждали бесконечные страдания и муки на той стороне света. Но души других людей подвергать такому аду он позволить себе не мог. Загробная жизнь была гораздо длиннее, и лучше было бы дать жене господина Лянь спокойно отойти в мир иной, сколь прискорбно это ни звучало.

— Вы... Вы... — господин Лянь замешкался. — Неужели... совсем ничего нельзя сделать?

— Мне очень жаль.

— Что Вы, господин Лянь, — слышался чересчур спокойный голос вдалеке, — ещё не всё потеряно. Я готов помочь Вам.

Су замер. Этот голос он узнал бы из тысячи.

В другом конце коридора, в самой тьме, виднелся мужской силуэт. Мерзкую ухмылку Люхуэй чувствовал и не видя её. Руки произвольно сжались в кулаки.

Третий мужчина наконец показался из темноты. Угольно-чёрные пряди красиво обрамляли подбородок, а остальная часть волос длиной чуть выше шеи была убрана за уши. Ань Цзюйхуа, мастер тёмных искусств. Человек, которого он презирал больше всего на свете.

Цзюйхуа остановился в нескольких шагах от них. Его взгляд скользнул по побледневшему лицу господина Ляня и лишь на мгновение задержался на Люхуэе.

— Давно не виделись, А-Лю.

— Недостаточно давно, — сквозь зубы проговорил Су.

Между ними повисла тишина. Лянь растерянно переводил взгляд с одного мужчины на другого.

— Вы... знакомы?

— К сожалению, — одновременно ответили оба.

Ань глянул на Су и ухмыльнулся. Тот слишком хорошо знал эту ухмылку — именно с неё всегда начинались неприятности.

— Что ж, если Вы действительно готовы помочь моей супруге... — осторожно продолжил господин Лянь, — Прошу, пойдёмте. Её лечащий врач расскажет Вам о её нынешнем состоянии.

— Разумеется, — кивнул Цзюйхуа.

Люхуэй вдруг преградил старому знакомому путь.

— Стой! Господин Лянь, Вы уверены? Этот человек занимается тёмными искусствами и постоянно работает с энергией Инь. Я бы не стал доверять ему человеческую жизнь.

— Мастер Су, у меня нет выбора. Я готов на всё, лишь бы вновь увидеть улыбку жены. Я пойду ради неё даже на такое.

Люхуэй долго молчал.

Наконец он медленно убрал руку, всё ещё преграждавшую Цзюйхуа путь.

— Тогда позвольте предупредить Вас лишь об одном, господин Лянь.

Он посмотрел мужчине прямо в глаза.

— Если Выпустите этого человека в палату своей супруги, обратной дороги уже не будет.

— Я... понимаю.

Молчание вновь окутало помещение.

— Закончил? — повернулся к Су молодой человек.

Люхуэй ничего не ответил.

— Тогда, господин Л...

— Я иду с Вами.

— Что?

— Ты меня слышал, Цзюйхуа.

— О, надо же, — цокнул языком тот. — Ладно. Я не против компании. Идём, А-Лю.

— Не зови меня так.

— Конечно, зануда-мастер Су.

— Господа... — неловко подал голос Лянь.

— Да-да, мы уже идём! — кивнул Ань и двинулся вперед по коридору.

Несмотря на очевидно возникающие от взаимодействия двух мужчин вопросы, господин Лянь не стал ничего спрашивать и просто молча довёл Су и Аня до своей машины, что стояла на закрытой парковке офисного здания. Вместе они, всё так же не произнося ни слова больше, отправились в больницу при Шанхайском университете Цзяотун.

Дождь каплями скатывался по лобовому стеклу. Люхуэй лишь на секунду глянул в зеркало заднего вида на сидевшего позади Цзюйхуа и увидел непривычную картину напряжения на его лице. Тот, отвернувшись к окну, безмолвно наблюдал за мокрыми дорожками на стекле автомобиля. Ань и вправду казался непривычно сосредоточенным. Это настораживало.

Несмотря на пробки на дорогах, они прибыли достаточно быстро. Мужчина повёл двоих внутрь. У дверей интенсивной терапии их уже ожидал седой мужчина в белом халате. Он устало кивнул господину Ляню.

— Вы вновь привели специалистов?

— Да, доктор... — замаялся Лянь.

Врач быстро осмотрел двух молодых людей: один, хмурый и с короткой аккуратной стрижкой, весь в чёрном, второй же, что приветственно улыбался, — в похоронном белом, словно уже знал, что ждёт женщину в скором времени. Но ни один не похож на врача. Спорить у мужчины во врачебной форме уже не было сил. Он начал без каких-либо вступлений:

— Состояние Вашей жены продолжает ухудшаться. Взгляните.

Доктор повернул к ним снимки МРТ.

— Мы исключили опухоль, инсульт, инфекционные заболевания, аутоиммунные процессы и прионные болезни. Анализы не объясняют происходящего. Но она всё так же страдает бессонницей, жалуется на сильную мигрень и имеет трудности с узнаванием близких.

Мужчины внимательно взглянули на снимки и попытались что-то разглядеть. Однако понять, что что-то не так, можно было и не являясь специалистом.

— Любопытно ещё кое-что... Несколько раз пациентка просыпалась ровно в три часа семнадцать минут.

Ань тут же поднимает взгляд. Су это замечает.

— И каждый раз... она произносила одну и ту же фразу.

— Какую? — испуганно спросил Лянь.

Врач покачал головой:

— Разобрать невозможно. Она произносит её на языке, который никто не смог определить.

— Она уже слышит их, — вдруг полупшепотом сказал Цзюйхуа.

— Простите?

Он вновь спокойно улыбнулся.

— Ничего.

Наконец они направились к самой женщине в палату. Доктор обхватил пальцами ручку двери и надавил вниз.

— Прошу.

После тихого, едва заметного скрипа Су вошёл первым и... почувствовал то, что никогда ещё не чувствовал в своей жизни.

Глава 2

Глава 2

Су Люхуэй привык ощущать души людей. Они всегда связаны с телом в мире живых и редко — в мире мёртвых. Человек же на грани двух миров ощущался иначе. Но сейчас... госпожа Лянь не ощущалась вообще.

Едва переступив порог палаты, Люхуэй привычно позволил духовному восприятию коснуться пространства. Пусто. Он замер, нахмурившись. Такого быть не могло. Молодой человек сделал шаг. Ошибка? Он сосредоточился вновь, позволив духовной силе медленно пройти по меридианам женщины. По-прежнему ничего. На кровати лежал живой человек: сердце билось, грудь медленно поднималась и опускалась, а вот душа... Души Су не чувствовал.

— Благовония, — вдруг заметил Ань.

Второй даже не обернулся.

— Какие благовония?

— Сандал.

Повисло молчание.

— Не чувствуешь?

Люхуэй медленно покачал головой.

— Нет.

— Будто бы кто-то уже зажёл по ней благовония.

Господин Лянь побелел.

— Следи за языком, — грозно кинул Су.

Его взгляд вновь скользнул по палате. Аппарат искусственной вентиляции лёгких. Капельница. Стул. Подоконник... На подоконнике стояла ваза, в которой находился давно увядший букет. Люхуэй остановился на ней взглядом. Среди потемневших, высохших стеблей стояла одна-единственная белая хризантема. Свежая. словно её поставили всего несколько минут назад.

— Цзюйхуа, — стиснув зубы, почти что прошипел Су.

— На этот раз не я, А-Лю.

— На самом деле... — начал врач, — мы каждый день выбрасываем этот цветок. Но каждое следующее утро он вновь стоит здесь.

Господин Лянь схватился за сердце и упал на стул. В палате повисла тишина. Писк кардиомонитора казался оглушительно громким. Люхуэй медленно подошёл к кровати.

Женщина выглядела удивительно спокойной. Если бы не бледность кожи и десятки проводов, её можно было бы принять за человека, мирно уснувшего после тяжёлого дня. Су осторожно взял её за запястье. Его пальцы легли на точки цунь, гуань и чи, однако он не искал течение крови. Он искал течение ци.

Закрыв глаза, Люхуэй медленно направил тонкую нить духовной энергии в меридианы женщины. Прошла секунда. Ещё одна. Ещё.

...Ничего.

Её ци, медленно и ослабленно, но двигалась. Тело жило. Вот только в том месте, где мастер привык ощущать отклик души, зияла странная пустота. Су резко открыл глаза. Такого он не встречал ещё никогда.

— Ну? — кинул Ань.

Люхуэй промолчал.

— Понятно.

Доктор решился спросить:

— Вы поняли, что с ней?

— Нет, — честно ответил Су.

Врач тяжело вздохнул и сказал:

— За последний месяц это слово я слышу чаще любого другого.

Он устало потер переносицу.

— Мы приглашали неврологов, инфекционистов, психиатров, специалистов по редким заболеваниям... Никто не смог объяснить её состояние.

— Мин-эр... едва слышно прошептал Лянь, осторожно поправляя прядь волос жены. — Пожалуйста, вернись.

Су Люхуэй медленно поднял взгляд от бледного лица женщины и встретился с глазами Ань Цзюйхуа. В этом безмолвном обмене взглядами не было сочувствия — лишь холодное осознание общей догадки. Пустота, которую Люхуэй ощутил в меридианах Мин-эр, была не естественным угасанием жизни. Словно рваная рана в самом полотне её существования. Это не было похоже ни на смерть, ни на кому, ни на обычное отделение души. Люхуэй не мог подобрать ни одного известного ему объяснения.

— Господин Лянь, — голос Су прозвучал суше обычного, — вспомните последние дни перед тем, как Ваша супруга слегла. Происходило ли в Вашем доме что-то необычное? Пропадали ли вещи? Возможно, Вы находили странные предметы, подношения или... подарки от незнакомцев?

Лянь поднял затуманенный слезами взгляд, пытаясь сосредоточиться, но Цзюйхуа прервал его коротким, издевательским хмыком.

— Как всегда, А-Лю, — Ань лениво оттолкнулся от косяка двери, — ты ищешь пыль под кроватью, когда дом уже охвачен пламенем. Расспросы займут вечность, которой у госпожи нет.

— У тебя есть предложение получше? — Су едва заметно стиснул пальцы на запястье пациентки.

Цзюйхуа медленно подошел ближе, его движения были плавными, почти кошачьими. Он не ответил сразу, лишь лениво перевел взгляд с лица спящей госпожи Лянь на ту самую белую хризантему, что красовалась среди мёртвых цветов в вазе.

— Ты всегда был слишком правильным, — тихо, почти нежно проговорил он. — Думаешь, я стану тратить время на расследования? Пока ты будешь искать «странные предметы», дух госпожи Лянь окончательно растворится в Инь.

Ань полез во внутренний карман своего пиджака и извлек на свет небольшой предмет. Это было зеркало, но не обычное: поверхность его была затянута матовой дымкой, напоминающей замерзший пруд, а оправа выполнена из почерневшего, будто обожженного, серебра.

Су Люхуэй мгновенно напрягся.

— Зеркало Врат Инь? Ты сошел с ума, — голос Су стал ледяным. — Ты хочешь использовать запретную технику, чтобы...

На мгновение в палате стало так тихо, что слышно было лишь ровное попискивание кардиомонитора.

Доктор непонимающе посмотрел сначала на потемневшее зеркало в руках Цзюйхуа, затем на побледневшее лицо Люхуэя.

— Что это такое? — осторожно спросил он.

Су не сводил взгляда с артефакта.

— Вещь, которую не должен держать ни один живой человек.

Цзюйхуа усмехнулся.

— Опять начинаешь читать проповеди?

— Ответь мне. Откуда оно у тебя?

— Какая разница?

— Цзюйхуа.

Ань несколько секунд молчал, лениво проводя большим пальцем по почерневшей оправе.

— Если зеркало настоящее, — продолжил Су уже тише, — значит, ты действительно собираешься открыть проход.

— Именно.

Господин Лянь резко поднялся.

— Я... ничего не понимаю. Какой проход?

— Между миром живых и миром мёртвых, — спокойно ответил Цзюйхуа. — Решай быстрее, А-Лю. Через несколько часов наступит час Инь. Потом зеркало станет бесполезным до следующей ночи.

Су молчал. Он ненавидел всё, что собирался сделать Цзюйхуа. Ненавидел настолько, что когда-то собственноручно сжигал книги, описывавшие подобные ритуалы. Но другого пути он не видел. Медленно закрыв глаза, Люхуэй глубоко вдохнул.

— Один. Один ритуал, — произнёс он наконец.

На губах Цзюйхуа появилась довольная улыбка.

— Я знал, что ты согласишься.

В тот же миг лампы в палате коротко мигнули, а белая хризантема едва заметно качнулась в вазе, заставив пару сухих лепестков упасть на подоконник.

Глава 3

Глава 3

— Всем выйти, — скомандовал Су.

В палате воцарилась тишина. Доктор растерянно посмотрел сначала на молодого человека в белом, затем на господина Ляня.

— Простите?

— Всем, кроме него, — повторил Люхуэй уже мягче.

Он кивнул в сторону Ань Цзюйхуа, который стоял у двери, лениво перекатывая в пальцах почерневшее зеркало. Доктор нахмурился.

— Послушайте, я не знаю, во что вы играете, но это отделение интенсивной терапии. Здесь нельзя проводить...

— Если останетесь, — перебил его Су, — можете умереть.

В его голосе не было угрозы. Только усталая констатация факта. Именно эта спокойная уверенность заставила врача замешкаться. Он привык спорить с родственниками пациентов, привык к эмоциональным сценам, но этот молодой человек говорил так, будто смерть для него — всего лишь соседняя комната, куда он заходит по делам.

Господин Лянь медленно поднялся со стула. Взгляд его был мутным от слёз.

— Я... я не могу оставить Мин-эр. Она боится оставаться одна, когда просыпается. Она всегда зовёт меня, даже если не узнаёт.

— Господин Лянь.

На этот раз заговорил Цзюйхуа.

— Через несколько минут здесь станет очень холодно. Затем Вы начнете слышать голоса людей, которых давно похоронили. Потом они станут просить открыть дверь. Думаю, не стоит рисковать Вашей психикой, когда в палате находятся два профессионала, правда же?

— Это уже переходит все границы... — нервно усмехнулся доктор, но не успел закончить.

Свет на секунду погас. Снова включился. Затем снова погас. Кардиомонитор коротко захрипел, и на мгновение его ровный писк сменился протяжным гулом — тем звуком, который в старых больницах всегда связывают с чем-то нехорошим. Температура в помещении упала на несколько градусов, и господин Лянь невольно обхватил себя руками.

Когда свет зажёгся вновь, он был чуть тусклее, чем прежде, словно лампы устали гореть.

— Прошу, — сказал Су, и в его голосе послышалась усталость. — Вам правда стоит выйти.

После долгой, тягучей паузы, когда тишину нарушал лишь писк аппаратов и тихое дыхание спящей женщины, господин Лянь наконец разжал пальцы. Он наклонился к жене, коснулся губами её лба — прохладного, как мрамор, — и прошептал что-то, чего Су Люхуэй не разобрал. Затем он выпрямился и, не оборачиваясь, вышел из палаты. Доктор последовал за ним, бросив на прощание растерянный взгляд на двух странных молодых людей. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Люхуэй медленно повернулся к старому знакомому. В этом взгляде читалось всё: годы вражды, общая история, которую невозможно было стереть, и та странная, почти болезненная привязанность, что возникает лишь между теми, кто слишком хорошо знает тёмные стороны друг друга.

— Ты понимаешь, что будет, если ритуал пойдёт не так? — спросил он тихо, почти шёпотом.

— Понимаю, — Цзюйхуа пожал плечами, но в этом жесте не было прежней беспечности. — Я не впервые работаю с Вратами Инь.

— С зеркалом — впервые, — отрезал Су. — Эти артефакты — не игрушки. Даже в древних свитках о них упоминается лишь вскользь, как о чём-то, чего следует избегать. Ты хоть знаешь, кто создал это зеркало?

— Знаю, — голос Цзюйхуа вдруг стал тише. — Тот же мастер, что создал гробницу первого императора Цинь. Тот, чьё имя вычеркнуто из всех летописей.

Су замер. Он знал эту историю. Все, кто хоть немного касался тёмных искусств, знали её — легенду о придворном алхимике, который за свою жизнь создал три артефакта. Два из них были уничтожены, когда люди поняли, какой ценой они работают. Третий — исчез.

— Откуда он у тебя? — голос Люхуэя стал ледяным.

— Какая разница, А-Лю? — Цзюйхуа усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Он здесь. Он настоящий. И это единственный способ вернуть душу госпожи Лянь, не заплатив за это её вечностью.

Су молчал. Он не знал, можно ли верить Цзюйхуа. Он вообще никогда не знал, можно ли этому человеку верить. Но в одном он был уверен: если зеркало действительно подлинное, то в руках Аня оно может стать оружием страшнее любого меча.

Он глубоко вздохнул и протянул руку.

— Давай сюда.

Цзюйхуа передал ему зеркало. Оправа оказалась холоднее, чем ожидал Люхуэй, — холоднее мрамора и льда, холоднее самой смерти. Такой холод бывает лишь у предметов, что слишком долго пролежали в земле, впитывая в себя сырость могил и тишину склепов. Поверхность зеркала была затянута матовой дымкой, похожей на замёрзший пруд, в котором отражаются не звёзды, а нечто совсем иное.

Су подошёл к кровати. Госпожа Лянь лежала неподвижно, но её дыхание, казалось, стало чуть глубже, будто она чувствовала приближение чего-то важного. Люхуэй осторожно коснулся её запястья — пульс был слабым, но ровным. Ци, как и прежде, почти не ощущалась, лишь тоненькая ниточка жизни, что едва теплилась в меридианах.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — спросил Ань из-за спины. — Я могу справиться сам.

Су не обернулся.

— Если я позволю тебе сделать это одному, ты непременно что-нибудь испортишь.

Цзюйхуа хмыкнул, но промолчал. Люхуэй закрыл глаза и медленно, сантиметр за сантиметром, поднял зеркало так, чтобы его затуманенная поверхность оказалась точно напротив лица женщины. В тот же миг он направил тонкую нить своей ци в артефакт. Энергия вошла в холодное серебро неохотно, словно та вода, что не желает смачивать промасленную ткань. Но Су был настойчив. Он сосредоточился, отбросив все лишние мысли, и позволил своей ци течь медленно и ровно.

Сначала ничего не происходило.

Затем поверхность зеркала начала слегка подрагивать, будто по воде пошли круги. Дымка зашевелилась, начала рассеиваться, открывая не отражение палаты, не лицо госпожи Лянь, а нечто совсем иное.

Су увидел серое, бескрайнее пространство, где не было ни неба, ни земли, ни горизонта. Только туман — густой, липкий, подсвеченный изнутри слабым голубоватым светом, похожим на лунное сияние в самую глухую ночь. Это место не имело ни стен, ни дверей, и всё же оно казалось тесным, как запертый склеп.

— Врата Инь, — прошептал Цзюйхуа. — Они приоткрылись.

Глава 4

Глава 4

Су Люхуэй стоял у кровати госпожи Лянь, сжимая в побелевших пальцах почерневшее зеркало, и смотрел в серую бездну, что открылась перед ним. Его ци текла в артефакт медленно, словно песок сквозь суженное горлышко песочных часов, и каждый миг этого течения отдавался в груди глухой, ноющей болью.

— Я вижу её, — тихо произнёс он. — Она там.

В глубине зеркала, в самом центре серого пространства, стояла на коленях женская фигура. Лица её не было видно — его скрывала тень, но Су знал, что это она. Госпожа Лянь.

— Она не одна, — отозвался Цзюйхуа. Голос его прозвучал сзади, совсем близко. — Видишь тех, за её спиной?

Су видел. Тени стояли рядами — безликие, неподвижные, страшные в своей молчаливой дисциплине. Они не двигались, не дышали, не существовали в том смысле, в каком существовали живые. Но они были. Сотни, если не тысячи. Они стояли за спиной госпожи Лянь.

— Кто они? — спросил Су.

— Потерянные души, — голос Аня стал тише. — Те, кто перешёл грань, но не дошёл до суда. Те, кто застрял между мирами. Их много. Больше, чем я видел когда-либо.

Су перевёл дыхание. Руки его начали дрожать — не от страха, от напряжения. Вливать ци в зеркало было всё равно что держать ладонь в ледяной воде: больно, холодно, и с каждым мгновением сил оставалось всё меньше.

— Нам нужно вытащить её, — сказал он. — Сейчас.

— Легче сказать, чем сделать, — хмыкнул Цзюйхуа. — Ты когда-нибудь вытаскивал душу из Инь?

— Нет.

— А я — да. И знаешь, что я тебе скажу?

Су молчал.

— Души не хотят возвращаться, — продолжил Ань, и в голосе его появилась та особая тяжесть, что бывает лишь у тех, кто слишком много видел. — Они забывают, что такое жизнь. Им там... спокойно. Тихо. Ни боли, ни страха, ни тревог. Только серый туман и бесконечное ожидание. Они не помнят, чего лишились. Поэтому, когда ты протягиваешь им руку, они не хватаются за неё. Они отворачиваются. Особенно если их там кто-то держит.

Су смотрел на фигуру госпожи Лянь. Она не двигалась. Даже когда тени за её спиной шевелились, она оставалась неподвижной, словно статуя в древнем храме.

— Тогда как ты вытаскивал их раньше? — спросил он.

— Силой, — Цзюйхуа помедлил. — Но это больно. Для них. И для того, кто вытаскивает. Душа не хочет уходить из Инь, потому что Инь — это покой. Она цепляется за него. И когда ты её вырываешь, ты причиняешь боль — такую, что даже мёртвые кричат.

Су закрыл глаза. Он думал о господине Ляне. О том, как тот сжимал руку жены, как шептал её имя, как отказывался верить, что она уходит. О любви, что держала его на грани безумия уже целый месяц.

Он не мог позволить этой женщине остаться в сером тумане. Не сейчас.

— Я войду, — сказал он.

— Что? — голос Цзюйхуа стал резким.

— Я войду в зеркало. В ту сторону. Заберу её и вернусь.

— Это самоубийство, — Ань шагнул ближе. — Ты не знаешь, что там. Сколько времени тебе понадобится. И вернёшься ли вообще.

— Ты будешь держать проход открытым.

— Я не могу держать его вечно! Максимум — четверть часа, и то если расходовать ци с бешеной скоростью. Ты не успеешь.

Люхуэй обернулся. В его взгляде не было страха. Только усталая решимость.

— Тогда мы войдём вместе.

Ань замер. Впервые за всё время их знакомства Су увидел на его лице растерянность. Настоящую, неподдельную.

— Ты серьёзно?

— У нас нет выбора, Цзюйхуа. Если я пойду один и не успею, проход закроется, и я останусь там. Если ты останешься здесь и будешь держать зеркало, ты не сможешь помочь мне, если что-то пойдёт не так. Единственный способ — идти вдвоём.

— А кто тогда будет держать проход?

Су молчал. Он знал ответ. Но произнести его вслух было трудно.

— Мы оставим зеркало здесь. С господином Лянем.

— Он даже не знает, что такое ци! — воскликнул Ань.

— Ему не нужно знать. Ему нужно только держать зеркало в руках и не закрывать глаз. Мы оставим на нём печать — нашу общую ци. Она будет удерживать проход открытым столько, сколько мы сможем. А когда мы вернёмся, печать сама рассеется.

Цзюйхуа долго молчал. Он смотрел на Люхуэя, и в этом взгляде читалось всё: годы вражды, общая история, и та странная, почти болезненная привязанность, что возникает лишь между теми, кто слишком хорошо знает тёмные стороны друг друга.

— Ты идиот, — сказал он наконец. — Ты всегда был идиотом.

— Знаю.

— И если мы застрянем там, я первый скажу тебе «я же говорил».

— Я буду ждать этого момента с нетерпением.

Ань усмехнулся — той же старой насмешливой улыбкой, которую Су ненавидел и по которой, глубоко внутри, он скучал.

— Ладно, — сказал он. — Давай. Но сначала печать.

Они сели на пол палаты, прямо у кровати госпожи Лянь, и начали чертить на древнем серебре зеркала сложные узоры. Су рисовал руны своей ци — светлые, золотистые, похожие на лунный свет. Ань — свои, чёрные, как уголь, тягучие, словно смола. Они сплетались вместе, создавая узор, который нельзя было разорвать.

Зеркало загудело — низко, протяжно, как колокол под землёй.

— Готово, — сказал Су.

Он поднялся и позвал господина Ляня. Мужчина вошёл в палату, бледный, с дрожащими руками. Люхуэй вложил в его пальцы зеркало, и тот вздрогнул от холода.

— Вы будете держать это, господин Лянь. Ни в коем случае не выпускайте из рук. И не смотрите в поверхность, что бы вы там ни увидели. Ваша жена вернётся. Но только если вы не опустите зеркало.

— Я... я понял, — прошептал Лянь.

Су повернулся к Аню.

— Идём.

Они встали перед зеркалом. Двое мужчин, один в чёрном, другой в белом, как Инь и Ян. Су взял Аня за руку — холодную, но живую.

— Не отпускай, — сказал он.

— Я не собирался, — ответил Ань.

Они шагнули вперёд.

Переход был похож на погружение в ледяную воду. Мир схлопнулся в точку, а затем вернулся заново — искажённый, чужой, неправильный. Су почувствовал, как ци Аня обвилась

вокруг его собственной, создавая защитный кокон. И в следующий миг они стояли в сером тумане.

Здесь пахло сыростью и тлением. Здесь не было ни ветра, ни звуков — только тишина, такая глубокая, что она начинала давить на уши, на виски, на самую душу. Под ногами не было земли — только плотный, вязкий туман, который держал их вес, словно замёрзшее болото.

Туман вокруг них казался живым. Он не просто окутывал ноги — он проникал под одежду, впитываясь в кожу, будто пытаясь усыпить саму волю к движению. Су Люхуэй почувствовал, как его собственные мысли начинают замедляться, становясь ленивыми и тяжёлыми, словно мысли глубоко спящего человека.

— Не вздумай расслабляться, — голос Цзюйхуа прозвучал странно глухо, словно он говорил из-под толщи воды.

Су сжал руку Аня крепче. Тот был прав. Здесь, в царстве Инь, тишина была самым опасным врагом. Она предлагала покой, от которого не хотелось отказываться.

— Я помню, — ответил Су, стараясь сосредоточиться на своей ци. Он представил её как раскалённый клинок, прорезающий эту липкую серость. — Где она?

— Прямо перед нами.

Цзюйхуа указал вперед. В паре десятков шагов от них, среди бесконечного тумана, едва угадывался силуэт госпожи Лянь. Она всё так же стояла на коленях, опустив голову. Вокруг неё плотной стеной стояли другие тени. Они не были агрессивны в привычном понимании, они просто были — застывшие сгустки чужого отчаяния, не желающие уходить.

— Они её держат, — констатировал Су.

— Они не держат её, А-Лю, — поправил Ань, его глаза в этом странном свете казались почти светящимися. — Они её поглощают. Сами того не осознавая. Жизненная энергия живого человека здесь как огонь в ледяной пещере. Они тянутся к теплу, чтобы согреться, и тем самым гасят его.

Су Люхуэй почувствовал, как внутри него закипает холодная ярость.

— Нам нужно расчистить путь.

— Ты собрался прорываться своей светлой энергией? — Цзюйхуа усмехнулся, хотя в его глазах не было веселья. — Ты просто привлечёшь их всех. Весь этот туман сбежит на твой свет, как мотыльки на лампу. Нет. Это моя работа.

Ань отпустил руку Су. На мгновение тот почувствовал себя незащищённым, но затем увидел, что делает его спутник. Цзюйхуа начал двигаться странно, почти танцуя. Он не рисовал знаки в воздухе, как это делал Су, — он просто... растворялся. Его фигура начала сливаться с серым туманом, его контуры размывались, пока он почти не стал неотличим от окружающей пустоты.

— Стой здесь, — донёсся до Су шёпот Аня, который казался ветром. — И держи печать. Если твоя ци дрогнет, мы оба станем частью этого тумана.

Су замер, переведя всё внимание на удержание тонкой, золотистой нити энергии, которая связывала их с миром живых. Он видел, как фигура Аня скользит среди безликих теней. Тот двигался так, будто был одним из них. Тени не реагировали на него, они расступались, чувствуя родственную — тёмную, тяжёлую — энергию.

Цзюйхуа подошёл к госпоже Лянь вплотную. Он склонился над ней, что-то шепча. Су не слышал слов, но видел, как тени вокруг женщины начали колыхаться, будто от порыва невидимого ветра.

Вдруг одна из теней, стоявшая ближе всего к женщине, резко повернула «голову» в сторону Су. У неё не было лица, лишь провал там, где должны быть глаза, но Люхуэй почувствовал на себе леденящий взгляд.

— Ань! — негромко позвал он.

— Я почти закончил, не отвлекай! — огрызнулся тот, не оборачиваясь. Он уже касался плеча госпожи Лянь.

Тень сделала шаг к Су. Затем ещё один. За ней последовали остальные. Они начали двигаться не в сторону Аня, а именно к нему — сильнейшему источнику тепла и жизни в этом мёртвом месте. Золотистое сияние, которое Су старался держать тусклым, стало для этих существ маяком в бесконечной ночи.

Су понял, что совершил ошибку. Он стал приманкой.

«Хорошо», — подумал он, стискивая зубы. — «Если им нужен свет, они его получат».

Он перестал сдерживать энергию. Золотистая вспышка, яркая, как полуденное солнце, вырвалась из его ладоней, ударив в окружающий туман. Тени с воем, напоминающим скрежет металла по стеклу, отшатнулись.

В ту же секунду Ань Цзюйхуа дёрнул женщину за руку.

— Уходим! — крикнул он, его голос был полон такой ярости, какой Су никогда раньше не слышал.

Они рванули назад, к тому месту, где, как им казалось, оставался проход. Туман перед ними начал бурлить, становясь почти осязаемым. Госпожа Лянь, всё ещё безвольная, словно кукла, волочилась за Анем.

— Она не двигается сама! — крикнул Су, перекрывая гул, наполнивший пространство.

— Я вижу! — Ань подхватил её на руки. — Беги, идиот!

Они неслись сквозь серую мглу, и за их спинами проход в мир живых, поддерживаемый силой господина Ляня, начал истончаться. Впереди, в тумане, пульсировало крошечное пятнышко света — зеркало. Но оно было так далеко, а путь казался бесконечным.

— Она тяжелеет! — выдохнул Ань. Лицо его было бледным, капли пота, несмотря на ледяной холод, стекали по лбу.

Су оглянулся. Тени, оправившись от ослепления, преследовали их. Они двигались единой волной, поглощая всё вокруг.

— Отдай её мне, — бросил Су, замедляясь.

— Что?

— Отдай! Ты быстрее, ты сможешь сдерживать их дольше. Я понесу её.

Ань посмотрел на Су. В этом взгляде, полном злости и отчаяния, промелькнуло что-то другое. Он молча переложил бесчувственное тело женщины на плечи Люхуэя.

— Если мы не вернёмся, я тебя убью, — процедил Цзюйхуа, разворачиваясь лицом к наступающей тьме.

— Взаимно, — ответил Су, срываясь с места.

Впереди свет зеркала становился всё ярче. Су чувствовал, как реальность начинает тянуть их обратно, как воздух из палаты, спёртый и больничный, просачивается в этот серый ад. Ещё шаг. Ещё один.

Сзади раздался оглушительный грохот, словно обрушилась горная гряда. Это была магия Цзюйхуа — последняя стена, которую он воздвиг, чтобы дать им время.

Су Люхуэй вложил все остатки своей ци в рывок. Он не смотрел назад. Он просто прыгнул в сияющее пятно, чувствуя, как реальность с треском захлопывается за его спиной.

Глава 5

Глава 5

Когда Су открыл глаза, он лежал на полу больничной палаты. Но что-то было не так. Он чувствовал, что его тело наполовину ещё там — в сером тумане, в мире Инь. В ушах шумело, перед глазами плыли тени, и он слышал голос Аня — но тот звучал откуда-то издалека, словно из-под воды.

— А-Лю! — кричал Цзюйхуа. — Ты слышишь меня?!

Ань остался в зеркале.

— Он застрял, — услышал он голос господина Ляня. — Что делать?!

— Цзюйхуа... застрял?

Люхуэй наконец словно почувствовал, как Ань пытается схватиться за него: фантомные отчаянные касания охватили спину, плечи и талию. Но всё же они ощущались будто сквозь толщу воды. Или сквозь тот самый туман, если бы он мог быть осязаем.

В руках чувствовался вес души Лянь Мин, хоть она и была невидима для реального мира. Люхуэй не был уверен в том, как стоит поступить. Спасти Цзюйхуа? Ненавистного ему Цзюйхуа? Они успели неплохо сработаться за последние полчаса, но вражда оставалась враждой. То, что построено годами, тяжело разрушить в один миг.

Люхуэй сжал зубы так, что челюсти отозвались глухой болью. Он ненавидел Аня Цзюйхуа всей душой — за его высокомерие, за его запретные техники, за то, как легко он превращал жизни людей в пешки на своей шахматной доске.

Но он не мог позволить ему исчезнуть в небытии.

В этом мире, где добро и зло перемешались, как чёрные и белые чернила в воде, они были единственными, кто по-настоящему понимал друг друга. Если Ань останется в Инь, равновесие, которое Люхуэй так отчаянно пытался поддерживать всю свою жизнь, рухнет окончательно.

— Проклятый ублюдок, — выдохнул Су.

Он рванулся к зеркалу, которое уже почти потеряло своё свечение. Оно стало просто холодным, мёртвым куском металла. Пальцы господина Ляня, державшего артефакт, дрожали, сам мужчина был на грани обморока.

— Держать! — рявкнул Су, перехватывая руки Ляня своими.

Он не стал использовать тонкие нити ци. Он ударил в поверхность зеркала всей своей внутренней энергией, без остатка, не заботясь о последствиях. Зеркало отозвалось протестующим стоном, серебро пошло трещинами.

В ту же секунду сквозь туманную пелену, что ещё оставалась в центре артефакта, Су почувствовал ледяную, цепкую хватку. Кто-то уцепился за него с той стороны. Сила рывка была такой мощной, что Су едва не впечатался лицом в холодную оправу.

— Тяни, А-Лю! — голос Аня прозвучал в его голове, искажённый, словно доносящийся из глубокого колодца.

Люхуэй вложил в рывок всё, что у него оставалось. Его мышцы горели, в глазах плыли красные пятна. Он чувствовал, как что-то тёмное, вязкое пытается утянуть его обратно, как тени мира Инь не хотят отпускать свою добычу.

А потом... резкий стук сердца и измученный вдох.

Сознание спутывалось, но, кажется, Люхуэй наконец начал приходить в себя.

Воздух имел вкус ржавчины и гнили. Тяжёлый, влажный, он обволакивал лёгкие, словно пытаясь вытеснить из них жизнь.

Су открыл глаза и первым делом почувствовал под ладонями не стерильный кафель больничного пола, а влажную, холодную грязь. Он резко сел, пытаясь подавить тошноту. Перед ним расстилалась мутная, жёлтая река, чьи воды лениво перекатывались, издавая звук, похожий на шепот тысяч голосов, сливающихся в единый стон.

Река Забвения. Ванчуань.

Он всё-таки переступил черту.

— Ну, добро пожаловать в туристический ад, — раздался сбоку едкий, до боли знакомый голос.

Люхуэй обернулся. Ань Цзюйхуа сидел в паре метров от него, прислонившись спиной к узловатому, скрюченному дереву, чьи корни, казалось, вращались не в землю, а в само пространство. Его одежда, некогда безупречно белая, превратилась в жалкие лохмотья, пропитанные дорожной пылью и чем-то тёмным, похожим на засохшую кровь. Несмотря на всё это, он умудрялся выглядеть пугающе расслабленным.

— Где мы? — прохрипел Су, поднимаясь на ноги. Его тело слушалось плохо, будто он пытался двигаться под толщей воды.

— Где мы обычно оказываемся, когда переусердствуем с запретными техниками? — Ань указал подбородком на реку.

Там, по мутной глади, медленно плыли узкие челны. В каждом из них, сгорбившись, сидели тени. Они не гребли — челны двигались сами, несомые течением забвения. Лица душ были стёрты, словно наброски, которые художник решил удалить, но не успел до конца. Они

молчали, глядя в пустоту, направляясь туда, где их ждало окончательное стирание памяти и перерождение.

А высоко над рекой, словно прорезая серый туман горизонта, возвышался мост Найхэ. Тонкая, почти невесомая дуга, уходящая в никуда.

— Мост Найхэ, — прошептал Су.

С того расстояния, на котором они находились, было видно, как по мосту медленно идут вереницы душ. Каждая из них замирала на мгновение, а затем — стон или смех, рыдание или крик ярости разносились над рекой. На середине моста их прошлая жизнь прокручивалась перед глазами, как яркий, мучительный фильм. Последняя возможность почувствовать себя человеком, прежде чем стать ничем.

— Мы не должны здесь быть, — отозвался Су.

— О, да что ты, А-Лю, — саркастично произнёс Ань. — А я-то думал мы действительно в отпуск сюда приехали.

— Прекрати издеваться. Мы здесь из-за тебя.

— Ох, да? А разве не из-за тебя мы застряли? — скривился тот, встав и попытавшись отряхнуться.

Су сжал зубы. Ему хотелось врезать этому наглецу, но сил почти не осталось. Он огляделся — берег был бесконечен, за спиной не было ничего, кроме вязкого, серого тумана, который, казалось, медленно сжимал кольцо вокруг них.

— Если бы ты не вытащил это проклятое зеркало, мы бы вообще не открыли проход, — отрезал Су, стараясь не повышать голос. — Ты перегрузил реальность своей тьмой, а я пытался это компенсировать. Моя ци просто не выдержала твоей нестабильности.

— Моей нестабильности? — Ань издал короткий, сухой смешок, в котором не было веселья. — Ты называешь «нестабильностью» то, что я не дал женщине умереть? Ты бы предпочёл просто стоять рядом, пока её душа окончательно растворяется в пустоте, лишь бы не нарушить свои драгоценные правила. Ты трус, Люхуэй. Ты боишься не тьмы, ты боишься последствий, которые нельзя контролировать.

Су шагнул к нему, сокращая расстояние. Между ними оставалась пара шагов, но чувствовалось, как пространство искрит от ненависти и общего истощения.

— Я не трус, Ань Цзюйхуа. Я мастер, который знает, что такое последствия обращения к тьме.

— Последствия? — Ань издал короткий, хриплый смешок, который эхом разнёсся над мутной гладью реки, заставив одну из теней в челне беспокойно дёрнуться. — Ты носишься с «последствиями», как с драгоценным артефактом, но посмотри вокруг, Люхуэй. Твоя «правильность» привела нас в самое брюхо ада. Если это результат твоего мастерства, то, может, пора признать: твои законы здесь не работают.

Су сделал шаг вперёд, его пальцы вцепились в рукава так, будто он сдерживал себя от того, чтобы не впитаться в горло Аня.

— Они не работают, потому что ты постоянно пытаешься их сломать! — голос Су дрожал от праведного гнева. — Ты не «спасаешь», ты нарушаешь структуру мира. Каждый раз, когда ты влезаешь в дела мёртвых, ты оставляешь дыры, через которые сочится Хаос. И сегодня ты пробил не просто дыру — ты открыл ворота!

— А почему ты, такой прекрасный, светлый мастер позволил такому «мудаку» как я это сделать? Зачем ты полез в зеркало?! Это было твоё решение!

— Это случилось из-за того, что ты его достал! У нас не было выбора, мы должны были вытащить душу Лянь Мин.

— Но ты вообще не собирался её спасти! — Цзюйхуа схватился за плечи Су и потряс его. — У тебя был выбор, идиот!

— Нет, не было! — Люхуэй крепко сжал его руки в ответ. — Потому что я не мог позволить тебе творить бесчинства! Ты бы всё разрушил!

Ань Цзюйхуа вдруг замер, уставился на Су, а затем разразился истерическим смехом.

— По твоей логике я уже всё разрушил. Значит ты не справился! Выкуси, Су Люхуэй!

— Да пошёл ты!

Су резко оттолкнул от себя второго — тот почти что свалился с ног, но в последний момент поймал равновесие.

— Ну и чёрт с тобой, — буркнул Цзюйхуа, развернулся и направился неизвестно куда.

Люхуэй, что успел повернуться к нему спиной, так и остался стоять на месте, прожигая взглядом жёлтую реку.

Глава 6

Глава 6

Холодная ярость разлилась по венам Су Люхуэя, когда он понял, что остался один. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ты всегда был идиотом, — прошептал он в пустоту. — Ты всегда лез туда, куда не следует.

Но перепалка отвлекла их от главного — и Су почувствовал холодок по спине, когда осознал это. Госпожа Лянь.

Он обернулся, посмотрел направо, налево, глянул по сторонам в даль — но его взгляд ловил лишь безглазые души умерших в челнах. Лянь Мин нигде не было.

— Госпожа Лянь! — воскликнул он. — Госпожа Лянь! Лянь Мин!

В ответ он получил лишь слабый плеск речной воды.

Он искал и душу госпожи, и Цзюйхуа достаточно долго, чтобы понять, что у Реки Забвения их уже нет. Скорее всего Лянь Мин, оставшись без защиты, попала под влияние теней-проводников, что в конечном счёте увели её. Вот только почему они не могли увести её до вмешательства Су и Аня оставалось загадкой. Была ли на ней печать — ещё предстояло выяснить. Цзюйхуа же наверняка уже перешёл через мост Найхэ, слившись с мёртвыми, чтобы не выдать себя. Возможно, на сей раз он поступил разумнее Люхуэя и сразу же направился на поиски женщины. Ведь Люхуэй действительно позабыл о ней, хоть и на короткий срок.

— Бестолочь, — бросил он, обращаясь к себе.

Он был человеком с высокими требованиями в отношении и себя, и окружающих, потому не мог позволить себе многие слабости жизни, в том числе преобладание эмоций над разумом. Такое случалось довольно редко, но если и случалось, то Су корил себя за несдержанность так, словно был повинен в тяжком преступлении.

Сжав губы в тонкую линию, Су заставил себя успокоиться. Эмоции были ядом, и здесь, в пространстве, сотканном из забвения и чужих кошмаров, этот яд действовал в разы быстрее. Он присел на корточки, касаясь ладонью серой, бесформенной почвы, которая по консистенции напоминала холодный, спрессованный пепел.

Если Лянь Мин была здесь, она оставила след. Душа живого человека, даже находящаяся на грани распада, всегда резонирует с миром живых. Она как открытая рана: кровоточит жизненной силой, привлекая голодных духов, словно кровь в воде — акул.

Су стиснул зубы, подавляя вспышку раздражения на самого себя. Эмоции были роскошью, которую он не мог себе позволить, пока Лянь Мин оставалась одна в этой серой бездне.

Он вдохнул холодный, пропитанный гнилью воздух и заставил себя успокоиться. В этом месте, где время теряло смысл, единственным якорем была его собственная воля. Люхуэй прикрыл глаза, расширяя границы своего восприятия до предела. Ему не нужно было искать долго: резонанс души был слишком отчетлив. Она была здесь. Где-то совсем рядом.

Его взгляд упал на что-то светлое, неестественно яркое на фоне свинцовой земли. Люхуэй замер. Среди серого пепла, словно капля чистого молока в луже грязи, белел лепесток. Он опустил на колено и осторожно коснулся его пальцами — лепесток был прохладным, живым, пропитанным слабым ароматом осени, который здесь, в краю мёртвых, казался кошунством.

Су поднял взгляд и выдохнул. Впереди, в серой мгле, тянулась едва заметная цепочка. Лепестки белой хризантемы лежали на земле, словно крошки, оставленные тем, кто отчаянно пытался не потерять дорогу в бесконечном тумане. Это не было случайностью — это был путь. Лянь Мин действительно оставляла за собой следы.

Люхуэй поднялся, сжимая в кулаке найденный лепесток. Дорожка уходила вглубь тумана, туда, где тишина казалась ещё гуще, а воздух — ещё холоднее.

Он заметил лепестки в реке и понял, что ему придётся пересечь её и пройти через мост Найхэ. Вот только его ци слишком живая. Су был словно костёр среди замёрзших, заснеженных полей, что мирно спали во тьме ночи. В том живом виде, в котором он находился сейчас, никто бы не то что не пустил его через мост, но даже и не помог бы ему до него добраться. Нужно было что-то придумать.

Самым верным вариантом было бы погрузить себя в пограничное состояние: состояние между жизнью и смертью, где его душа настолько отделится от тела, что река примет его за одну из теней. Для такого существовала одна техника, которой его однажды обучил наставник.

Люхуэй медленно опустился на колени на влажном, холодном берегу. Он закрыл глаза и позволил телу расслабиться. Мышцы. Суставы. Каждый позвонок. Каждая клетка. Он чувствовал, как ци течет по меридианам, как она пульсирует в такт с биением сердца.

«Дыхание между мирами, — вспомнил он слова наставника. — Техника, которая позволяет временно отключить связь души с телом. Она помогает стать тенью между миром живых и миром мёртвых».

Су вспомнил, как наставник впервые показал ему эту технику. Это было много лет назад. Горы, открытое небо, монастырь. Наставник сидел на камне, его седые волосы развевались на ветру, и голос звучал тихо, но властно:

— Это опасная техника, Су Люхуэй. Если ты удержишься в этом состоянии слишком долго, можешь вообще не вернуться. Твоя душа просто отделится от тела навсегда, и ты станешь просто тенью, блуждающей между мирами. Ты будешь помнить, кто ты, но не сможешь вернуться к своей жизни.

Тогда Су не понимал, зачем ему эта техника. Он был молод, полон сил и считал, что любую проблему можно решить, всегда находясь на светлой стороне. Но его мастер настаивал:

— Ты должен знать её. Не для того, чтобы использовать, а для того, чтобы понимать. Граница между жизнью и смертью тоньше, чем кажется. И иногда, чтобы помочь кому-то, ты должен добровольно переступить эту грань.

Теперь Люхуэй понимал: наставник готовил его именно к этому. К этому месту. К этому потерянному человеку. К этому выбору.

Он глубоко вдохнул — медленно, размеренно, позволяя воздуху заполнить его лёгкие до краёв. Затем он начал выдыхать. И не просто выдыхать: он выпускал из себя ци. Су чувствовал, как его энергия покидает тело, как она рассеивается в воздухе и смешивается с холодным, липким туманом Инь.

Глава 7

Глава 7

Каждый вдох приносил в тело Су Люхуэя частицу смерти. Он чувствовал, как пульс замедлялся: сердце билось всё реже, всё тише, грозя в миг остановиться. Кожа Су становилась холодной и бледной, как у трупа. Дыхание почти что остановилось — были только редкие, поверхностные вдохи, что едва заметно поднимали его грудь.

Он чувствовал, как мир вокруг него начинал меняться. Туман Инь больше не казался ему чужим — Люхуэй сливался с ним, становился его частью. Он ощущал голоса теней, как они ласково звали его, шепча на ухо, приглашая присоединиться к ним.

Су сжал лепесток в пальцах и почувствовал, как слабое тепло пронзает его ладонь. Это была не его ци — это был остаток энергии госпожи Лянь. Он с трудом распахнул закрытые до этого веки и понял, что его зрение изменилось: он видел не только серый туман, но и тонкие нити энергии, которые пронизывали пространство Инь. Он видел тени, которые блуждали по берегу, отчётливее. Видел реку Ванчуань, которая текла перед ним, но теперь она казалась ему не препятствием. Это был путь.

Люхуэй поднялся на ноги. Тело слушалось плохо — оно было тяжёлым, холодным, почти что мёртвым. Су шагнул в воду.

Холод реки обжёг его, как огонь. Он почувствовал, как тело начинает тонуть, как вода затягивает его вниз, пытается стереть его память, его личность. Его саму суть. Но он не сопротивлялся — просто позволил реке нести его. Его сознание путалось, но он понимал: он уже стал частью Инь, частью того мира, который он всю жизнь избегал.

Су плыл, не зная, сколько времени прошло. Минуты, часы, дни? Здесь это не имело значения. Вода Реки Забвения окутывала его тело холодом, который проникал глубже кожи, глубже мышц, глубже самой души. Она пыталась стереть его память, растворить его личность, превратить его в одну из тех теней, что блуждали по дну, не помня ни имени, ни лица, ни того, зачем они вообще оказались здесь.

Но Су не сдавался. Он всё равно держал в ладони лепесток хризантемы, не смея разжимать руку. Это был его единственный ориентир. Слабое тепло, исходящее от него, напоминало ему, что он ещё жив, что он ещё человек, что где-то там, за пределами этого серого ада, его ждут. Госпожа Лянь. Ань. Жизнь.

Вдруг он услышал голос:

— Эй, живой. Ты что делаешь в моей реке?

Люхуэй открыл глаза. Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть, кто говорит, но тело не слушалось. Он только чувствовал, как вода вокруг него начинает двигаться по-другому — не естественно, а подчиняясь чьей-то воле.

— Ты не мёртв, — сказал голос. — Почти не мёртв. Интересно. Очень интересно.

Сильные руки схватили его за плечи. Су почувствовал, как его вытаскивают из воды, как он падает на что-то твёрдое и деревянное. Он открыл глаза и увидел над собой лицо — старое, морщинистое, с глазами, которые горели жёлтым светом.

Перевозчик.

Старик наклонился над ним, и его жёлтые глаза смотрели на молодого человека с любопытством.

— Ты не похож на тех, кто обычно плавает в моей реке, — сказал он. — Они обычно полностью мёртвые. А ты ведь... почти живой. Как ты попал сюда?

Су попытался говорить, но его голос не слушался. Он только сжал руку, показывая перевозчику лепесток хризантемы. Старик наклонился ближе. Его глаза расширились, когда он увидел белый лепесток.

— Хризантема, — прошептал он. — Это цветок мёртвых. Но он пахнет жизнью. Чья это душа?

— Лянь Мин, — выдавил из себя Су. Голос его звучал как шёпот, но перевозчик услышал. — Она... она в Зале Приговора. Я должен... я должен спасти её.

Перевозчик выпрямился. Он посмотрел на реку, затем на Су Люхуэя, затем на лепесток в его руке. На его лице появилось выражение, которое трудно было прочесть — может быть, удивление, может, уважение, а может быть, жалость.

— Ты дурак, живой, — сказал он. — Ты пытаешься переплыть Ванчуань в таком состоянии? Ты утонешь. Твоя душа растворится в воде, и ты станешь одной из теней на дне.

— Я знаю, — ответил Су. — Но у меня нет выбора.

Перевозчик усмехнулся. В его усмешке не было издёвки — только грусть.

— Всегда есть выбор, — сказал он. — Ты просто выбрал трудный путь.

Он подошёл к корме челна и взял в руки длинное, узкое весло.

— Я довезу тебя до другого берега, — сказал он. — Но ты должен заплатить.

Су поднял голову. Его глаза встретились с жёлтыми глазами перевозчика.

— Чем? — спросил он. — У меня нет денег. Ничего нет.

— Воспоминанием, — сказал перевозчик. — Такова плата за путь через Ванчуань. Каждый, кто пересекает реку, должен заплатить воспоминанием. Это закон.

Люхуэй знал, что это правда. Он знал, что придётся заплатить. Но он не знал, какое воспоминание готов отдать.

— Я заплачу, — сказал он наконец. — Но я не знаю, какое воспоминание выбрать.

Перевозчик посмотрел на него с состраданием.

— Ты не выбираешь, — сказал он. — Вода выбирает за тебя. Она забирает то, что тебе не нужно. Что отягощает твою душу. Что ты должен забыть.

Су закрыл глаза. Он чувствовал, как вода реки касается его сознания, как она проникает в его память, как она ищет что-то, что можно забрать.

Он чувствовал, как она касалась его детства, его юности, его ученичества у наставника. Она касалась его встречи с Анем, их дружбы, их вражды. Она касалась его одиночества, его боли, его страха.

А затем она нашла то, что искала.

Су ощутил, как воспоминание начинает ускользать от него — как вода уносит его прочь. Он пытался удержать его, но не мог. Он не знал, что это за воспоминание. Он только чувствовал пустоту там, где оно было.

— Всё, — сказал перевозчик. — Ты заплатил. Теперь ты можешь перейти.

Его глаза открылись. Он не знал, что именно он забыл. Но он чувствовал, что память о чём-то важном покинула его навсегда.

Люхуэй посмотрел на лепесток в своей руке. Он всё ещё был там. Всё ещё тёплый. Всё ещё указывал путь.

— Спасибо, — сказал он перевозчику.

Старик кивнул.

— Держись крепко, — сказал он. — Я довезу тебя до другого берега. Но помни: там, куда ты идёшь, нет пути назад. Ты должен быть готов к тому, что увидишь.

Су кивнул. Он сжал лепесток в руке и закрыл глаза, позволяя челну нести его через реку. Люхуэй не знал, что ждёт его впереди. Но он знал, что должен идти. Должен найти госпожу Лянь. Должен спасти её.

Даже если это будет стоить ему всего, что у него есть.

Челн скользил по воде, и Су чувствовал, как время начинает течь иначе — медленнее, вязче. Вода вокруг них была тёмной, мутной, и в ней иногда мелькали лица тех, кто утонул в этой реке — кто забыл, кем был, кто стал частью Ванчуань навсегда.

Су смотрел на них и чувствовал, как его собственное воспоминание — то, что забрала вода — уходит всё дальше. Он пытался понять, но так и не осознал, что именно он потерял. Может быть, это было что-то важное. Может быть, это было что-то незначительное. Он не знал.

Но он знал, что не может остановиться.

— Мы почти приплыли, — сказал перевозчик. Его голос вывел Су из оцепенения. — Ты готов?

Люхуэй поднял голову. Впереди, на берегу, он увидел свет — слабый, голубоватый, похожий на лунное сияние в самую глухую ночь. Это был Зал Приговора.

— Я готов, — сказал он.

Челн коснулся берега. Су медленно поднялся на ноги и ступил на землю. Он чувствовал, как его ноги дрожат, как его тело почти не слушается, но он шёл.

Он обернулся, чтобы поблагодарить перевозчика, но челн уже отчалил. Старик стоял на корме, и его жёлтые глаза смотрели на Су с той же древней мудростью.

— Удачи, живой, — сказал он.

Челн скрылся в тумане.

Су остался один. Он стоял на берегу, сжимая в руке лепесток хризантемы, и смотрел на Зал Приговора — огромный, чёрный, с колоннами, украшенными резными драконами.

Он знал, что госпожа Лянь ждала его там. И он знал, что должен войти. Он сделал шаг вперёд.

Глава 8

Глава 8

Тени-проводники не говорили с ней. Они просто вели её — молча, неотступно, сквозь серый туман, который клубился вокруг них, как живое существо. Госпожа Лянь шла за ними, и её ноги почти не касались земли. Она чувствовала себя так, будто плыла по течению реки, которую не видела, но ощущала всем своим существом.

Она не знала, сколько они шли. Время здесь текло иначе — оно было тягучим, как мёд, и вязким, как смола. Но наконец туман расступился, и перед ней открылся Зал Приговора.

Она никогда не видела ничего подобного.

Зал был огромным — его колонны уходили вверх, в бесконечность, и на них были вырезаны драконы, демоны, духи и божества. Их лица были искажены гневом и скорбью, и Лянь Мин чувствовала, как они смотрят на неё — сотни каменных глаз, прожигающих её насквозь.

В центре зала, на возвышении, сидел он. Яньван.

Он был огромным — его голова касалась потолка, а плечи были шириной в три человеческих. Его лицо было спокойным, почти добрым, но в его глазах горел холодный, ледяной свет. Лянь Мин чувствовала, как этот свет проникает в самую глубину её души, читает её, как открытую книгу.

Она опустилась на колени. Она не знала, зачем — просто её тело подчинилось чему-то древнему, что жило внутри неё. Тени-проводники отступили, растворившись в тумане, и она осталась одна перед владыкой ада.

Яньван долго молчал. Он смотрел на неё, и в его взгляде читалось удивление. Она чувствовала, как он изучает её, как он проникает в самые тайные уголки её души. Она не сопротивлялась. Она не могла сопротивляться.

Наконец он заговорил. Голос его был глубоким, как гром в горах, и от него, казалось, дрожали сами колонны Зала.

— Ты не должна быть здесь, Лянь Мин. Твоя душа чиста. Ты не совершала зла. Ты должна была переродиться, а не предстать перед судом.

Госпожа Лянь подняла голову. Её глаза — тёплые, карие, живые — встретились с его чёрной бездной. Она не знала, откуда в ней взялась смелость, но она заговорила:

— Я не знаю, как я оказалась здесь. Я помню только сон. Кто-то звал меня. Я шла на голос, а потом... потом я оказалась здесь.

Яньван кивнул. В его движении было что-то древнее, почти благословляющее.

— Ты носишь в себе нечто древнее, Лянь Мин. Нечто, что не должно было быть в мире живых. Ты знаешь, что это?

Она замешкалась. Она не знала, что ответить. Но внутри неё что-то шевельнулось — тёплое, светлое, похожее на улыбку матери, которую она не помнила.

— Я чувствую это, — сказала она тихо. — Иногда, когда я сплю, я вижу странные сны. Я вижу горы, которых не существует. Я вижу богов, которые умерли. Я вижу свет, который горит во тьме. Я вижу... я вижу себя, но не такой, как сейчас. Другой. Большей.

Яньван встал с трона. Его тень накрыла её, как ночь, и Лянь Мин почувствовала, как её сердце забилося быстрее. Но она не отступила. Она не могла отступить.

— Ты носишь в себе дух Тайи, — сказал он. — Бога, который был разделён на девять частей тысячи лет назад. Ты — его сердцевина. Его самая сильная часть. Без тебя он не может быть воссоздан.

Лянь Мин побледнела. Она почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног.

— Что...?

Ань Цзюйхуа очнулся в тумане.

Он не был дезориентирован. Он не был испуган. Ань был спокоен — настолько спокоен, насколько может быть человек, давно привыкший к тьме.

Он открыл глаза и медленно поднялся на ноги. Его тело слушалось идеально. В отличие от Су, который тратил свою ци на сопротивление Инь, Ань давно научился не тратить энергию на то, что нельзя изменить. Он просто принял этот мир. Он стал его частью.

— Интересно, — сказал он вслух, оглядывая серый туман. — Я думал, будет хуже.

Цзюйхуа провёл рукой по воздуху, чувствуя, как холод Инь касается его пальцев. Это было знакомое ощущение: он чувствовал его каждый раз, когда использовал тёмные искусства. Он знал этот холод, знал эту тьму и знал, как с ней обращаться.

Ань прикрыл веки и сосредоточился на своей ци. В отличие от Су, чья ци была светлой и живой, его энергия была тёмной, тягучей, почти неотличимой от окружающего тумана. Он всегда был ближе к Инь, чем к Ян. Это было его проклятием — и его силой.

Цзюйхуа медленно выдохнул, позволяя своей ци смешаться с туманом. Он чувствовал, как его тело становится холоднее, как его пульс замедляется, как его дыхание становится почти незаметным. Он становился тенью среди теней.

— Дыхание Между Мирами, — прошептал он. — Техника, которой нас научил наставник.

Усмешка появилась на его лице. Су всегда ненавидел эту технику. Он считал её опасной, неправильной, слишком близкой к тьме.

Он вновь открыл глаза. Вокруг него всё ещё был туман, но теперь он видел его иначе. Он видел нити энергии, пронизывающие пространство. Он видел тени, блуждающие по равнине. Он видел путь, который держали тени-проводники.

Он пошёл по этому пути.

По пути он встречал много теней, но те не трогали его, ведь считали своим. Ему удалось замаскироваться настолько хорошо, что от мёртвого его не отличил бы даже сам Яньван.

— Приветствую Вас, — сказал он, проходя мимо одной из теней. — Прекрасная погода для загробного мира, не находите?

Тень не ответила. Она просто смотрела на него пустыми глазами, и Ань усмехнулся.

— Светские беседы не совсем Ваше, да? Понимаю. Здесь вообще мало кто любит поговорить.

Цзюйхуа последовал дальше. Его шаги были лёгкими, почти бесшумными. Он не оставлял следов, не создавал ряби в тумане — он был частью этого места. И он знал, куда идти.

Ань чувствовал её. Госпожу Лянь. Её энергия была яркой, горячей, как пламя в ночи. Она была как маяк в этом сером море, и Ань Цзюйхуа шёл на этот свет.

Но помимо этого он чувствовал и другое. Кого-то, кто тоже шёл за ней. Су. Его ци была слабой, почти угасшей — он использовал технику, которую просто не мог позволить себе использовать, но сделал это, ведь другого выбора не было: нужно было любым способом перейти через реку. Ань чувствовал, как тот борется с водой, как цепляется за жизнь, как отказывается сдаваться.

— Дурак, — прошептал Ань.

Он не мог помочь Люхуэю. Не сейчас. Он должен был добраться до Зала первым. Он должен был увидеть госпожу Лянь до того, как Су доберётся до неё.

Он ускорил шаг.

Туман расступился. Перед ним стояли огромные чёрные ворота, украшенные резными драконами. Их глаза горели красным огнём, и они смотрели на него с древней, ледяной мудростью.

— Кто ты? — спросил голос, похожий на скрежет камня.

Ань остановился. Он посмотрел на драконов, и на его лице появилась та самая насмешливая улыбка, которую Су ненавидел больше всего на свете.

— Я Ань Цзюйхуа, — сказал он. — Мастер тёмных искусств. Я пришёл, чтобы увидеть Яньвана.

Глава 9

Глава 9

Ань Цзюйхуа стоял в тени колонны и наблюдал.

Он не дышал, не моргал. Он вообще не двигался — ни мускулом, ни ресницей, ни единой клеткой своего тела. Он был частью тьмы, частью камня, частью самого Зала Приговора. Его ци смешалась с холодным воздухом Инь, и ни одна тень не шевельнулась в его сторону. Ни один дух не обернулся. Даже резные драконы на колоннах, казалось, не замечали его присутствия.

Он был мёртв. По крайней мере, для них.

Ань смотрел, как госпожа Лянь стоит на коленях перед Яньваном, как её голос дрожит, но не срывается, как она отвечает на вопросы владыки ада с достоинством, которого он не ожидал от обычной женщины.

— Ты носишь в себе дух Тайи, — услышал он голос Яньвана. — Бога, который был разделён на девять частей тысячи лет назад. Ты — его сердцевина. Его самая сильная часть. Без тебя он не может быть воссоздан.

Ань сжал челюсти. Он знал это. Он знал это с самого начала. Но услышать это от самого Яньвана было совсем другим делом.

— Что...? Я... Я не хочу быть чьей-то частью, — сказала госпожа Лянь, и в её голосе послышалась сталь. — Я хочу жить. Я хочу быть собой.

— Ты всегда была собой. Дух Тайи не заменяет твою душу — он дополняет её. Он делает тебя сильнее, чище, ближе к изначальному состоянию. Но он также делает тебя целью.

Госпожа Лянь подняла голову. Её губы дрогнули, но она не отвела взгляда от чёрных глаз Яньвана.

— Я не понимаю, — сказала она тихо, и в голосе её послышалась растерянность. — Я просто женщина. Я никогда не была сильной. Я никогда не умела сражаться. Я даже в больницу попала из-за того, что не смогла справиться с тем, что происходило у меня в голове.

Она замолкла. Её пальцы сжались в кулаки — не от гнева, а от отчаяния.

— Как я могу быть готова к чему-то, чего не понимаю? Как я могу защитить себя от того, кто сильнее меня? Я не воин, я не мастер. Я простой человек.

В зале повисла тишина. Ань, стоящий в тени колонны, почувствовал, как что-то сжалось в его груди. Она была права. Она не была героиней. Не была воином. Она была обычной женщиной, которую втянули в нечто, что было больше неё самой.

Но в её голосе, в её словах, в её дрожащих пальцах было что-то, что заставило его уважать её больше, чем любого воина, которого он когда-либо встречал. Она не притворялась сильной. Она не лгала о своих страхах. Она была честна — даже перед владыкой ада.

Яньван смотрел на неё. В его чёрных глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, а может быть, сострадание.

— Ты не должна быть готова, Лянь Мин, — сказал он, и голос его стал мягче. — Ты должна просто быть собой. Это всё, что от тебя требуется. Ты уже обладаешь силой, которую даже осознать не можешь. Тебе не нужно уметь сражаться — тебе просто нужно не сдаваться.

Госпожа Лянь молчала. Она смотрела на свои руки, на свои дрожащие пальцы, и в её глазах появилось что-то новое — не уверенность, но что-то похожее на принятие.

— Я постараюсь, — сказала она тихо. — Я не обещаю, что у меня получится. Но я постараюсь.

Яньван кивнул. Он поднял руку, и в центре зала появилось зеркало — большое, чёрное, как ночное небо.

— Зеркало Прошлых Жизней, — сказал он. — Ты должна пройти через него. Ты должна увидеть, кем ты была. Ты должна принять свою суть. Только тогда я смогу отпустить тебя.

Госпожа Лянь медленно поднялась на ноги. Она подошла к зеркалу и остановилась перед ним. В его чёрной глубине она увидела своё отражение — бледное, испуганное, но живое.

— Что я увижу там? — спросила она.

— Себя, — ответил Яньван. — Настоящую себя.

Она шагнула в зеркало.

Ань ждал. Он не знал, сколько времени прошло. Но когда зеркало засияло и госпожа Лянь вышла из него, он увидел в её глазах принятие. В них больше не было растерянности. Она смотрела на мир ясным, спокойным взглядом человека, который наконец понял, кем он является.

— Ты прошла испытание, — сказал Яньван. — Теперь ты свободна.

Он поднял руку, и перед ней открылись врата — сияющие, золотые, ведущие к миру живых. Госпожа Лянь шагнула вперёд. Она почти коснулась света, когда за её спиной раздался звук. Тихий, но отчётливый, похожий на треск льда.

Она замерла.

— Госпожа Лянь, — раздался голос у входа в Зал. — Не входите в эти врата.

Она обернулась. В дверях стоял Су Люхуэй — бледный, измученный, мокрый после переправы через реку. Его одежда была пропитана водой и туманом, но глаза горели тем самым светом, который она помнила.

— Мастер Су, — прошептала она. — Вы пришли.

Су кивнул. Он сделал шаг вперёд, но в тот же миг его взгляд упал на тень у колонны. Он замер. Его глаза сузились, и он узнал ту самую фигуру, которую ненавидел и искал одновременно.

— Ань, — сказал он, и голос его дрогнул от облегчения.

Ань Цзюйхуа вышел из тени. Он больше не притворялся мёртвым — его ци начала пульсировать, возвращая ему жизнь.

— Ты опоздал, А-Лю, — сказал он, и в его голосе послышалась та самая насмешливая улыбка.

— Я знаю, — ответил Су. — Но вот я здесь.

Они стояли друг напротив друга — двое врагов, двое союзников. Между ними было столько боли, столько обид, столько невысказанных слов. Но сейчас это не имело значения.

Су перевёл взгляд на Яньвана. Владыка ада сидел на троне, огромный, как гора, и его лицо было спокойным, почти добрым. Но что-то в его глазах — тех самых чёрных, как бездна, глазах — заставило Су замереть.

— Цзюйхуа, — позвал он.

— Я чувствую, — ответил тот. — Что-то не так.

Люхуэй сделал шаг вперёд. Он чувствовал, как его ци начинает восстанавливаться, как жизнь возвращается в его тело. Но чем сильнее становилась его ци, тем отчётливее он чувствовал чужое присутствие. Оно было везде — в колоннах, в воздухе, в самом свете, который исходил от врат. Оно было в голосе Яньвана. Оно было в его глазах.

— Врата, — сказал Су тихо, почти шёпотом. — Они не ведут в мир живых.

Ань повернулся к нему.

— Что ты сказал?

— Врата не ведут в мир живых, — повторил Су громче. — Они ведут к нему.

Он указал на Яньвана.

— Он не владыка ада. Он — часть того, что заперто в этом Зале. И эти врата — не выход. Онис клетка. Он хочет, чтобы мы шагнули в неё.

Госпожа Лянь отшатнулась от света. Её лицо побледнело.

— Но... но он сказал, что я свободна, — прошептала она.

— Он солгал, — сказал Ань.

Яньван замер. Его лицо — то самое, спокойное и доброе — начало искажаться. Глаза его стали глубже, чернее, и в них зажглось что-то древнее.

— Ты умён, — сказал он, и голос его изменился. Стал тоньше, пронзительнее, похожим на скрежет металла.

Су сделал шаг назад. Он чувствовал, как пространство вокруг него начинает меняться. Колонны Зала, казалось, начали дрожать, их резные драконы зашевелились, будто живые.

— Что происходит? — спросила госпожа Лянь. Её голос дрожал.

— Он не Яньван, — сказал Ань, и в его голосе послышалась тревога. — Он часть Тайи. Часть, которую заперли в этом Зале. Она приняла образ Яньвана, чтобы использовать нас.

Люхуэй смотрел на трон. На лице «Яньвана» появилась улыбка — широкая, неестественная, слишком человеческая для такого огромного существа.

— Ты прав, Ань Цзюйхуа, — сказал он. — Я не Яньван. Я та часть Тайи, которую заперли здесь тысячу лет назад. Я его страх. Его желание свободы. Его голод.

Он встал с трона. Зал содрогнулся.

— Я ждал тысячи лет, — сказал он. — Я ждал того, кто сможет освободить меня. И вы пришли. Ты, Су Люхуэй, с твоим светом. Ты, Ань Цзюйхуа, с твоей тьмой. И ты, Лянь Мин. Моя сердцевина.

Он шагнул вперёд, и пол под его ногами покрылся трещинами. Пространство вокруг них начало искажаться — колонны наклонились, свет померк, и Зал Приговора начал рушиться.

— Ты не можешь выйти, — сказал Су. — Ты заперт здесь. Ты не можешь покинуть Зал.

— Я не могу, — согласился «Яньван». — Но ты можешь. Вы все можете. И вы вынесете меня отсюда. Вы станете моими проводниками.

Он протянул руку к госпоже Лянь, и та отшатнулась. Но он не коснулся её. Он просто указал на неё пальцем.

— Она носит в себе мою суть. И когда она вернётся в мир живых, я пойду с ней. Я буду в ней. Я буду ждать. Буду расти. И когда придёт время, я освобожусь.

Су шагнул вперёд, заслоняя госпожу Лянь собой.

— Этого не случится, — сказал он. — Мы не позволим.

«Яньван» усмехнулся. Его лицо начало меняться — становиться старше, мрачнее, менее человеческим.

— Вы уже позволили, — сказал он. — Вы пришли сюда и открыли врата. Вы дали мне силу.

Зал зашатался. Каменные драконы ожили — их головы повернулись к мастерам, красные глаза загорелись. Пол под ногами начал трескаться, и из трещин поднимался тот самый серый туман, который был во всём Инь.

— Нужно уходить, — сказал Ань. — Сейчас.

— Я знаю, — ответил Су. — Но как?

Он посмотрел на врата — сияющие, золотые — и понял, что они — единственный выход. Но он осознавал, что если они пройдут через них, «Яньван» сможет последовать за ними.

— Мы не можем пройти через них, — сказал он. — Он последует за нами.

— У нас нет выбора, — сказал Цзюйхуа. — Мы должны выбраться.

Су смотрел на рушащийся Зал. Он чувствовал, как его ци истощается, как жизнь покидает его тело. Он знал, что должен найти выход. Должен спасти госпожу Лянь. Должен спасти Цзюйхуа.

«Спаси... Цзюйхуа...? Спаси... Цзюйхуа...»

Что-то странное промелькнуло у него в голове. Словно внутренний голос, который пытался о чём-то напомнить. Будто он позабыл что-то очень важное. Но сейчас было не до этого.

Су стал думать. Стал смотреть по сторонам. И в тот миг, когда он повернулся и посмотрел на пол... В трещинах, он увидел его — слабое, голубоватое свечение.

— Там, — сказал он, указывая на пол. — Внизу...

Цзюйхуа посмотрел на него.

— Что там?

— Кажется, выход, — ответил Су. — Другой выход.

Он подошёл к трещине и посмотрел вниз. Там, в глубине, он видел проход — тёмный, узкий, но ведущий куда-то за пределы Зала.

«Яньван» замер. Его лицо исказилось от ярости.

— Нет! — крикнул он. — Ты не можешь! Ты не должен!

Но Су уже не слушал его. Он схватил госпожу Лянь за руку.

— Идёмте, — сказал он. — Быстро.

Один миг. Они прыгнули в трещину.

Падение было бесконечным, словно они провалились не в трещину пола, а в самую глотку времени. Воздух, пропитанный пылью разрушающегося Зала, свистел в ушах, а пространство вокруг них искажалось, превращаясь в калейдоскоп из серых теней и кружащих голову вспышек пустоты.

Су Люхуэй крепче сжал ладонь госпожи Лянь. Он чувствовал, как сквозь его пальцы в женщину просачивается его ци — тонкая, золотистая нить, которой он пытался удержать её сознание, чтобы та не рассыпалась в этом безумном переходе.

— Крепче! — крикнул Ань Цзюйхуа, чей голос звучал странно, словно доносился из-под толщи воды. Он был рядом, ощущаясь как плотный сгусток холодной, тяжелой энергии.

Удар о землю был таким жестким, что у Су перехватило дыхание. Он прокатился по холодному, неестественно гладкому камню и тут же вскочил, инстинктивно закрывая собой госпожу Лянь. Они оказались в пространстве, которое невозможно было назвать местом — это был «разлом». Пространство, где сталкивались миры. Вокруг, словно рваные куски черной ткани, висели лоскуты реальности, через которые просачивался свет, похожий на гнилое лунное сияние.

Но хуже всего было то, что трещало за их спинами.

Там, где секунду назад они провалились в разлом, пространство взорвалось. Из него, словно чёрное солнце, вырвалась фигура. Это не был Яньван. Это был Тайи. Он больше не скрывался за образом владыки ада — он предстал как вихрь чистой, концентрированной тьмы, в центре которой пульсировала та самая энергия, что была заперта в госпоже Лянь.

— Вы думали, что закроете клетку, запершись снаружи? — голос Тайи звучал не в ушах, он вибрировал прямо в костях каждого из них.

Тьма хлынула вперед. Это была не просто магия — это была сама энтропия, пожирающая всё, чего касалась.

— Он вырвался, — прошептал Су, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. Его светлая ци вспыхнула, освещая пространство золотым куполом, но Тайи просто прошел через него, как нож сквозь масло. — Он поглотит нас, как только доберется до неё!

Ань Цзюйхуа, обычно такой насмешливый, сейчас выглядел смертельно бледным. Он понял то, что Су отказывался признать: Тайи не просто хотел вернуть свою сердцевину — он хотел превратить госпожу Лянь в своего вечного носителя, уничтожив её личность навсегда.

— Нет, — отрезал Ань, его глаза лихорадочно блестели. — Я не позволю ему это сделать.

Цзюйхуа резко дёрнул на себя воротник пиджака. Его руки, обычно плавные и грациозные, сейчас двигались с яростной скоростью. Из внутреннего кармана он извлек предмет, от которого у Су Люхуэя перехватило дыхание.

Это был не просто артефакт. В руках Ань Цзюйхуа покоилось «Зеркало Девяти Источников» — артефакт, который, согласно легендам, был отлит мастерами династии Шан из бронзы, закаленной в водах Желтых Источников. Его поверхность, покрытая слоем древней патины, была окаймлена резными драконами, сплетенными в узор восьми триграмм Багуа, а в центре, сквозь мутную бронзу, проступал тусклый иероглиф «Душа». Этот предмет считался не просто оружием, а предельной мерой — способом заключить то, что не принадлежит миру живых, в вечное отражение, лишив его возможности двигаться или влиять на реальность.

— Ань Цзюйхуа, не надо! — голос Су Люхуэя сорвался на крик, перекрывая гул разрушающегося пространства. — Это зеркало не просто запечатает её! Оно вырвет её эссенцию, превратив в пустоту. Она не выдержит!

— Она не выдержит, если он сольется с ней и пожрет её личность до последнего атома! — прорычал Цзюйхуа, его лицо исказилось от предельного напряжения. Он резко ударил по поверхности зеркала своим кинжалом, чтобы оно разбилось, раскрывшись, а затем быстрым движением рассёк себе ладонь, пуская кровь, чтобы активировать печать. — Держи его, Су! Если ты позволишь этой тени коснуться её хотя бы на миг, мы все станем лишь пылью в этом разломе!

Су Люхуэй понял, что спорить бесполезно. Его светлая ци, до этого момента сдерживаемая, вырвалась наружу ослепительным золотым потоком, формируя вокруг них «Защитный Круг Пяти Стихий». Он бросился вперед, превращаясь в живой щит. Когда он столкнулся с вихрем тьмы в виде Тайи, пространство вокруг них содрогнулось. Звук их схватки был похож на скрежет металла по стеклу, от которого закладывало уши и передёргивало мышцы. Су чувствовал, как тьма, словно ледяные иглы, пронзает его купол, высасывая силы.

Пока он принимал на себя удары первородного хаоса, Ань Цзюйхуа опустил на колени прямо перед безвольно лежащей госпожой Лянь. Его руки двигались с неестественной скоростью, чертя знаки, от которых воздух начал сворачиваться в узлы.

— Простите меня, — прошептал он, и в этом голосе, лишённом привычной насмешки, впервые сквозило отчаяние.

Он поднял зеркало высоко над головой, направляя отражающую сторону на грудь госпожи Лянь. Зеркало отозвалось утробным гулом, похожим на стон тысяч умирающих звезд. Вокруг него закружились печати в форме иероглифов, пульсируя тревожным янтарным светом.

Тайи, почуяв неладное, взревел — это был звук разрываемой ткани мироздания. Он бросил все силы на Су, отшвырнув того, словно сломанную игрушку, и ринулся к Аню.

— Нет! — закричал Ань, вливая в зеркало не просто свою ци, а самую сущность своей жизненной силы. Его глаза налились чернотой, из носа потекла тонкая струйка крови. — Именем Неба и Земли, я призываю узы забвения!

Вспышка была такой яркой, что на мгновение поглотила всё: и тьму Тайи, и золотой свет Су. В этой вспышке произошло невозможное: из груди госпожи Лянь вытянулась прозрачная, едва уловимая нить — её душа. Она потянулась к зеркалу, как к магниту. Сфера с глухим, тяжелым звоном захлопнулась, поглощая сияющий силуэт внутри бронзового диска. Иероглиф «Душа» в центре зеркала вспыхнул кроваво-красным и погас, став неподвижным.

В ту же секунду госпожа Лянь обмякла. Она не упала — её подхватил Ань, чье лицо теперь напоминало маску, вырезанную из белого камня.

Тайи, лишенный своей сердцевины, взвыл. Его форма начала дестабилизироваться. Потеряв привязку к физическому миру через «сосуд», он начал стремительно рассеиваться, втягиваясь обратно в рваную дыру реальности, из которой вырвался.

— Ты... проклятый... мастер... — прошелестел его голос, прежде чем его окончательно втянуло в воронку. Реальность с оглушительным треском захлопнулась, словно дверь тюрьмы.

Тишина, наступившая вслед за этим, была оглушительной.

Су Люхуэй тяжело поднялся на ноги. Его одежда была в клочьях, кожа покрыта ожогами от тьмы, но он был жив. Он медленно подошел к Аню.

Цзюйхуа сидел на полу, прижимая к груди госпожу Лянь. Она выглядела так, словно спала, но в этой тишине чувствовалась пугающая неестественность. Её кожа была бледной, как фарфор, а грудь не поднималась. Она не дышала.

— Она... она умерла? — голос Су дрогнул, впервые за долгие годы.

Ань медленно поднял голову. В его глазах не было жизни — только пепел. Он протянул Су зеркало. Оно было ледяным на ощупь, и внутри бронзовой оправы, за непроницаемым металлом, больше не было видно ничего, кроме собственного отражения двух измученных людей.

— Нет, — глухо ответил Ань, его пальцы безвольно разжались. — Она не умерла. Я запечатал её душу здесь, в Зеркале Девяти Источников, чтобы разорвать связь с ним. Но её тело... оно теперь лишь пустой сосуд. Это кома, Су. Глубокая, искусственная кома, из которой я не знаю, как её вывести. Её сознание... оно теперь заперто в этой бронзовой тюрьме.

Су взял зеркало. Он смотрел на спящую госпожу Лянь, и в этот момент между ними — Су и Анем — исчезли все прошлые претензии. Осталась лишь общая, давящая тяжесть совершенного ими поступка. Они спасли мир от Тайи, они спасли её от поглощения, но они обрекли её на бесконечный сон, а себя — на вечное ожидание того дня, когда они смогут вернуть ей то, что было так грубо изъято.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал Су, и это был первый раз, когда он не обвинил Аня, а предложил сотрудничество.

Ань лишь горько усмехнулся, глядя на неподвижное лицо женщины.

— Мы всегда придумываем, — ответил он. — Только цена этого спасения... кажется, она была выше, чем любая из наших жизней. Теперь мы связаны этим зеркалом навсегда. До тех пор, пока она не откроет глаза. Или пока мы оба не сгинем в попытках вернуть её из тени обратно к свету.

Реальность вернулась рывком — не как пробуждение, а как удар хлыста.

Стерильный, холодный воздух больничной палаты, мерный, почти издевательский писк кардиомонитора и приглушенный гул ламп дневного света — всё это навалилось с такой силой, что у обоих мастеров закружилась голова. Палата была пуста, если не считать их троих: двоих измождённых мужчин, которые тяжело осели на пол, и господина Лянь, который всё это время стоял, оцепенев, как статуя. Он продолжал сжимать «Зеркало Врат Инь» обеими руками. Его пальцы, белые от напряжения, казалось, приросли к ледяному серебру. Зеркало, до этого вибрировавшее и пульсировавшее, теперь затихло, став тяжёлым, неподвижным куском металла, но от него исходил такой холод, что иней начал покрывать поверхность тумбочки, которую Лянь случайно задел краем артефакта.

Су Люхуэй, с трудом опираясь на локти, поднял голову. Его одежда была в лохмотьях, кожа покрыта бледными следами духовных ожогов, а дыхание было прерывистым. Ань Цзюйхуа лежал рядом, раскинув руки, его глаза были закрыты, и только судорожно вздымающаяся грудь выдавала, что он еще жив.

— Господин... Лянь, — голос Су прозвучал как сухой шелест. — Отпустите.

Мужчина вздрогнул, словно очнувшись от глубокого транса. Он перевел взгляд на зеркало в своих руках, затем на мастеров на полу, и наконец — на кровать. Госпожа Лянь лежала там, неподвижная, неестественно бледная. Она была похожа на пустую фарфоровую куклу.

Господин Лянь медленно разжал пальцы. Зеркало с глухим стуком упало на пол, и Ань, пересилив слабость, тут же подхватил его, прижав к себе. Артефакт отозвался слабым, утробным гулом, словно внутри него что-то ворочалось в тесноте.

— Она... она дышит, — прошептал Лянь, кидаясь к жене и хватая её за руку. — Но она такая холодная. Почему она такая холодная?!

Ань Цзюйхуа с трудом сел, опираясь спиной о стену. Он не смотрел на женщину — он смотрел на зеркало в своих руках, его лицо напоминало маску, вырезанную из белого камня.

— Она не холодная, — глухо отозвался Ань, стараясь придать голосу привычную, ленивую уверенность. — Она в состоянии глубокой... стазисной изоляции.

Су Люхуэй, с тяжелым выдохом, поднялся на ноги. Он бросил на Аня предостерегающий взгляд, прежде чем повернуться к господину Ляню.

— Господин Лянь, — начал Су, тщательно подбирая слова. — Мы стабилизировали критическую ситуацию. Угроза, которая нависла над вашей супругой... она была связана с древним, крайне нестабильным резонансом энергий внутри неё. Если бы мы ничего не предприняли, её личность была бы стерта этим... искажением.

Лянь замер, не отрывая взгляда от лица жены.
— Вы... вы устранили его? Она проснется?

Ань Цзюйхуа перехватил зеркало поудобнее, чувствуя, как внутри него пульсирует нечто чуждое, нечто, что всё ещё жаждало выхода. Это была не просто энергия. Это был разум. Разум, который теперь был заперт в тесном пространстве бронзы и серебра, но никуда не исчез.

— Мы не устранили его, — отрезал Ань, и в его голосе проскользнула нехарактерная для него резкость. — Мы провели перенос. Это было единственным способом предотвратить распад её сознания прямо сейчас. Резонанс... он крайне упрям. Он всё ещё находится внутри её души, но теперь он связан печатью этого артефакта.

Су Люхуэй медленно кивнул, подтверждая слова Цзюйхуа:

— Сейчас она находится в своего рода «безопасном коконе». Энергия, которая поглощала её, больше не атакует напрямую, она локализована. Но этот процесс... он требует времени и постоянного контроля. Мы не можем просто взять и извлечь это искажение сейчас, без риска уничтожить её душу. Нам нужно подготовиться. Найти способ... деактивировать этот резонанс постепенно.

— То есть... она будет спать? — Лянь с надеждой посмотрел на мастеров.

— Пока мы не найдем ключ к безопасному извлечению, — Су сделал паузу, избегая прямого взгляда мужчины. — Да. Она останется в этом состоянии. Мы перенесли «эпицентр» её болезни в этот предмет, чтобы тело могло восстановиться. Но связь... связь всё ещё там. Это была временная мера. Крайне опасная временная мера.

Ань Цзюйхуа поднялся, пошатываясь. Он чувствовал, как зеркало в его руках стало тяжелее, словно оно пыталось вырваться, словно оно знало, что его перехитрили, но не победили.

— Она вернется, — сказал Ань, глядя господину Ляню прямо в глаза с такой серьезностью, какой от него никто бы не ожидал. — Но нам придется работать. То, что сейчас находится внутри этого зеркала — и внутри неё — это не то, что можно просто «вылечить» таблетками или молитвами. Это древняя сила, господин Лянь. И она всё ещё там, в глубине. Она ждет момента, когда печать ослабнет.

Лянь медленно опустился на стул рядом с кроватью, сжимая руку жены. Он был сломлен, но в его глазах появилась искра надежды, смешанная с ужасом перед тем, что рассказали мастера.

— Вы вернетесь? — спросил он. — Вы не бросите её... с этой... силой внутри?

Су Люхуэй посмотрел на Аня. В этот момент между ними пролегла невидимая, но прочная нить. Зеркало, лежащее в руках Ань Цзюйхуа, словно пульсировало, напоминая им обоим, что они совершили самую опасную сделку в своей жизни. Они заперли Бога в клетке. И клетка находилась в их руках.

— Мы вернемся, — ответил Су, и это обещание прозвучало как клятва, которую он теперь обязан был сдержать любой ценой.

— Мы связаны этим артефактом, — добавил Ань, направляясь к выходу. — До тех пор, пока мы не найдем способ безопасно вытянуть это из неё... или пока эта штука не решит, что с неё хватит.

Они вышли в коридор, оставив господина Ляня наедине с той, кого он так отчаянно пытался спасти. Ань остановился у выхода на парковку, и его лицо, лишённое маски цинизма, вдруг показалось Су бесконечно уставшим.

— Ты же понимаешь, — тихо сказал Цзюйхуа, не оборачиваясь. — Мы не спасли её от Тайи. Мы просто перенесли его из «горячей» фазы. Если мы не придумаем, как вырвать его из её души окончательно, рано или поздно печать внутри зеркала треснет. Или она треснет изнутри.

— Я знаю, — ответил Су, чувствуя, как холод зеркала просачивается даже сквозь одежду, проникая в его собственные кости. — Теперь у нас нет права на ошибку. Ни у одного из нас.

Глава 10

Глава 10

Реальность, ворвавшаяся в их сознание после выхода из Зала Приговора, казалась прозрачной, словно они всё ещё не до конца вернулись из серой бездны. Шанхай встретил их холодом и проливным дождём. Небо, затянутое тяжёлыми, свинцовыми тучами, словно пыталось смыть с города грязь, но для Су Люхуэя и Аня Цзюйхуа это был не просто дождь. Это была граница. По одну сторону — обычная, суетливая жизнь миллионов людей. По другую — их общее, чернильное знание о том, что на самом деле скрывается за пеленой привычного мира.

Они вышли из больницы, оставив за спиной запах антисептиков и безнадёжность господина Ляня. Каждый их шаг отдавался в уставших мышцах тупой болью. Су остановился у края тротуара, вглядываясь в серые потоки воды, стекающие в ливневую канализацию. Его пальцы, всё ещё сжимавшие полы пальто, мелко дрожали. Он чувствовал, как внутри него догорают остатки ци, превращаясь в пепел.

— Нам нельзя расходиться, — голос Аня прозвучал непривычно хрипло. Он стоял рядом, обхватив себя руками, и его обычно безупречно уложенные волосы слиплись от влаги, придав ему вид растрёпанного, загнанного зверя.

Су медленно повернул голову. Его взгляд, обычно ясный и спокойный, сейчас был затуманен усталостью.

— У тебя есть предложения?

— Моя квартира ближе всего.

Су на мгновение заколебался. Идти к Аню? В его логово? Это было равносильно тому, чтобы добровольно зайти в клетку к тигру. Но стоило ему представить, как он возвращается в свою одинокую квартиру, где тишина стен будет давить на уши, напоминая о зеркале, которое теперь стало центром их общей вселенной... Он сдался.

— Веди, — коротко бросил он.

Дорога заняла около двадцати минут. Они шли молча, не соблюдая дистанцию, и при этом не касаясь друг друга. Дождь бил по зонтам прохожих, создавая монотонный шум, который помогал скрыться от собственных мыслей. Ань вёл его через узкие переулки, мимо неоновых вывесок, которые в этой полутьме казались какими-то инопланетными знаками.

Апартаменты Аня находились в старом, но отреставрированном здании в глубине района бывшей Французской концессии. Высокие потолки, скрипучие паркетные полы и запах... нет, не пыли, а старого дерева, благовоний и какой-то резкой, горькой химии. Когда они вошли, Цзюйхуа нащупал пальцами выключатель. Тусклый, желтоватый свет ламп залил пространство, заставленное стеллажами с книгами, странными артефактами и свитками, которые Су предпочёл бы сжечь немедленно.

— Располагайся, — Ань жестом указал на диван, обитый тёмным бархатом. Он выглядел так, словно сам собирался сейчас рухнуть на пол. — Чай на столе, лекарства для восстановления каналов в синей банке на кухне.

Су опустился на диван. Тяжесть зеркала, которое они оставили в руках господина Ляня, чтобы душа Лянь Мин почувствовала хоть немного спокойствия, всё ещё ощущалась в его ладонях — как призрачный фантом. Он закрыл глаза, чувствуя, как стены начинают давить.

Ань прошёл мимо него, сбрасывая промокший пиджак прямо на пол. Он выглядел... уязвимым. Су никогда не видел его таким. Без маски насмешки, без блеска в глазах, Ань Цзюйхуа был просто человеком, который только что прошёл через ад и едва не сгинул в нём.

— Ты не ранен? — спросил Су, не открывая глаз.

Ань замер на пороге кухни.

— Духовные ожоги. Мелочи. Моё тело... оно привыкло к таким вещам. А ты? Твоя светлая ци не любит грязи. Тебе, наверное, сейчас хуже всего.

— Я выдержу, — сухо ответил Су.

Ань вернулся через пару минут, держа в руках две чашки с дымящимся тёмным отваром и пузырёк с каким-то густым маслом. Он сел в кресло напротив, поставил чашку на столик и начал расстёгивать манжеты рубашки. Су открыл глаза. Руки Аня были покрыты тонкими, чёрными венами — следами от «Зеркала Девяти Источников».

— Ты запечатал её душу, — сказал Су, наблюдая за его движениями. — Но мы оба знаем, что это не конец. Тайи внутри. Он спит, но он... он ждёт.

Ань налил масло на ладонь и начал растирать запястья.

— Конечно, он ждёт. Он же Тайи Цзю Тянь Шанди. Он не умеет исчезать, он умеет только менять форму. То, что мы сделали — это временная пломба на зубе, который гниёт изнутри. Если мы не найдём способ вытащить его до того, как он полностью адаптируется к её эссенции... она станет им.

Су подался вперёд.

— Тогда почему ты сказал господину Ляню, что она просто в коме?

— Потому что если я скажу ему правду, он сойдёт с ума, — Ань поднял взгляд. В его глазах отражался свет ламп, делая их почти прозрачными. — А нам нужно, чтобы он держал зеркало. Чтобы он верил. Надежда — самый сильный якорь для того, что мы заперли.

Су молчал. Это была логика Аня: прагматичная, жестокая и бесконечно циничная. Но в этот раз она была правильной.

— Подойди, — сказал Ань, указывая на свои руки. — Мне нужно, чтобы кто-то влил немного ци в точки на предплечьях. Сам я не могу сфокусироваться, руки дрожат.

Су помедлил, затем встал и подошёл. Он сел на край кресла, его пальцы коснулись запястий Аня. Они были холодными, как лёд. Стоило Су коснуться его кожи, как по его собственным венам пробежала дрожь. Это было не неприятное ощущение, но странное — словно он касался чего-то, что было ему противопоказано, но к чему его неодолимо тянуло.

Он начал направлять свою ци в каналы Аня. Это был сокровенный, почти что интимный процесс — делиться энергией означало обнажить свою суть. Ань издал короткий, сдавленный вздох, когда светлая энергия Су коснулась его тёмных каналов. Это был не конфликт, а странный танец — свет просачивался в черноту, заполняя пустоты, оставленные ожогами.

Ань смотрел на него снизу вверх. В этой близости — когда их дыхание смешивалось, а энергия перетекала из одного в другого — исчезали все границы. Су видел, как дрожат ресницы Аня, как на его лбу выступил пот. Это было так... по-человечески.

— Ты ненавидишь меня, — тихо сказал Ань, не разрывая контакта.

— Больше всего на свете, — отозвался Су, не прерывая потока ци.

— И всё же... ты здесь. Ты не оставил меня в Инь.

— Я не мог позволить тебе исчезнуть, — Су сказал это почти против своей воли. — Если ты исчезнешь, кто будет отвечать за всё то безумие, которое ты творишь? Кто будет моим... единственным достойным противником?

Ань усмехнулся. В этой улыбке не было яда. Только... признание.

Люхуэй резко прервал контакт и встал. Он отошёл к окну, глядя на город, утопающий в дожде. Его сердце колотилось. Это было неправильно. Это было опасно. Они — свет и тьма, два полюса, которые не должны пересекаться, иначе случится катастрофа. Но вот они вновь пересеклись.

И почему-то, глядя на своё отражение в стекле, он не чувствовал катастрофы. Он чувствовал... пустоту, которую он сам же и просил заполнить.

— Нам нужно будет работать вместе, — сказал он, не оборачиваясь. — Пока эта... вещь внутри неё не будет извлечена, ты и я — одно целое.

— Как мило, — язвительно бросил Ань, но Су уловил в его голосе нотки искренности. — Мы теперь связаны, А-Лю. До самого конца этой истории. Или до того момента, как один из нас не решит, что другой больше не нужен.

Су обернулся. Ань сидел в кресле, глядя на него с тем же выражением, что и всегда — насмешка, скрывающая глубокую, зияющую рану.

— Я никогда не решу, что ты не нужен, — сказал Су. — Даже если мне придётся выбивать из тебя дурь до конца моих дней.

Цзюйхуа расхохотался. Это был настоящий, искренний смех, который эхом разнёсся по комнате, разрывая гнетущую тишину.

— О, боги, Су Люхуэй, ты бы слышал себя сейчас. Ты звучишь как идиот, которому вскружили голову и который пытается притворяться злым мастером.

— Замолчи, — Су подошёл к столу, взял свою чашку чая и одним глотком осушил её. Горький, обжигающий напиток помог вернуть самообладание. — Завтра мы должны навестить господина Ляня. Нужно проверить зеркало. Если печать хоть немного истончилась...

— Мы почувствуем это, — Ань стал серьёзным. Он встал и подошёл к Су. — Мы связаны с ней теперь, через этот артефакт. Мы будем чувствовать каждый её вздох, каждый её сон... и каждое движение того, что спит внутри.

Он подошёл совсем близко. Су почувствовал, как холод его энергии снова касается его плеча.

— Знаешь, что самое ужасное? — тихо сказал Ань.

— Что?

— Мне не страшно. Мне страшно только от того, что я чувствую облегчение. Потому что теперь, если мы сгорим, мы сгорим вместе.

Су посмотрел на него и, вопреки всякой логике, вопреки своим принципам, вопреки тому, что он ненавидел в Ане, он протянул руку и коснулся его лица. Его пальцы задержались на холодной коже щеки. Ань замер, его глаза расширились. Это был жест, который выходил за рамки их вражды, жест, который они оба не могли себе позволить.

— Мы не сгорим, — сказал Су, и это обещание было не для госпожи Лянь, а для них двоих. — Мы найдём выход. Мы всегда находим выход. Даже если для этого придётся перевернуть весь ад вверх дном.

Ань прикрыл глаза, поддаваясь его руке. На мгновение, всего лишь на одно крошечное мгновение, вся стена ненависти и цинизма между ними рухнула.

— А после? — спросил Ань.

— После... — Су убрал руку и отвернулся. — После мы посмотрим.

Он не хотел знать, что будет после. Потому что он боялся, что после — не будет. Что они либо уничтожат друг друга, либо... либо они станут чем-то большим, чем просто врагами. И эта мысль пугала его больше, чем любой демон, вырвавшийся из зеркала.

Ань вернулся в кресло и открыл одну из книг на столе.

— Иди спи, А-Лю. Можешь занять кровать — я буду на диване. Правая дверь вперёд по коридору. Завтра ждёт долгий день.

Люхуэй кивнул и направился к спальне Цзюйхуа. Когда он зашёл в комнату, он добрёл до постели и лёг, глянув в потолок и став прислушиваться к звукам города за окном. Дождь всё ещё шёл, но теперь он казался ему не границей, а колыбельной.

Он закрыл глаза, зная, что в квартире, всего в нескольких метрах от него, сидит человек, которого он презирал больше всего на свете. И зная, что в его сердце... в его сердце больше нет места для этой ненависти, ведь она была выжжена, смыта, стёрта — точно так же, как воспоминание, которое он отдал перевозчику на Реке Забвения.

Он не помнил, что именно он отдал. Но он знал, что оставил себе самое главное: понимание того, что в этом бесконечном, тёмном мире, есть кто-то, кто видит его насквозь. Кто знает его шрамы, его страхи, его слабости.

Кто-то, кто готов сгореть вместе с ним.